

О СТРУКТУРЕ НОРМ ПРАВА: ЛОГИЧЕСКИХ, НОРМ-ПРЕДПИСАНИЙ, СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ

В.В. Кожевников

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

06 октября 2020 г.

Дата принятия в печать –

15 апреля 2021 г.

Дата онлайн-размещения –

25 июня 2021 г.

Ключевые слова

Норма права, структура норм права, логическая норма, норма-предписание, специализированная норма, коллизионная норма

Предметом исследования являются нормы современного российского права. Цель статьи – обосновать авторское видение проблемы, касающейся структуры норм современного российского права. Для реализации поставленной цели решаются следующие задачи: 1) показать значимость структуры нормы права; 2) проанализировать аргументы как сторонников, так и противников трехзвенной структуры логической нормы права; 3) обосновать двухзвенную структуру норм-предписаний; 4) определить статус специализированных норм права и их виды; 5) предложить авторское видение специализированных норм права. При проведении научного исследования использована система методов: общефилософского (диалектико-материалистического), общенаучных (анализа и синтеза, индукции и дедукции и др.), специальных (филологического и др.), частно-научных (формально-догматического, толкования и др.). Не являясь сторонником трехзвенной структуры логической нормы права, автор делает вывод о том, что теория и юридическая практика должны сосредоточить внимание на структуре норм-предписаний (регулятивных и охранительных), соответственно, выделяя гипотезу и диспозицию и гипотезу и санкцию; специализированные нормы права (декларативные, нормы-принципы, дефинитивные, оперативные) включают в себя такие структурные компоненты, как предполагаемую гипотезу и реальную диспозицию; коллизионные нормы, также относящиеся к специализированным, включают в себя реальную гипотезу и реальную диспозицию.

THE STRUCTURE OF LOGICAL, PRESCRIPTIVE AND SPECIALIZED LEGAL NORMS

Vladimir V. Kozhevnikov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received –

2020 October 06

Accepted –

2021 April 15

Available online –

2021 June 25

Keywords

Rule of law, structure of rule of law, logical norm, norm-prescription, specialized norm, conflict norm

The subject of this article is the norms of contemporary Russian law. The purpose of the article is the author's vision of the problem concerning the structure of the norms of contemporary Russian law. The following tasks were solved to achieve this goal: 1) to show the importance of the structure of the rule of law; 2) to analyze the arguments of both supporters and opponents of the three-tier structure of the logical rule of law; 3) substantiate the two-tier structure of prescriptive norms; 4) determine the status of specialized legal norms and their types; 5) to substantiate the author's vision of specialized legal norms.

The author uses a system of methods such as: general philosophical (dialectical-materialistic), general scientific (analysis and synthesis, induction and deduction, etc.), special (philological, etc.), private scientific (formal-dogmatic, interpretation, etc.) methods. Conclusions. The author is not a supporter of the three-tier structure of the logical norm of law. It seems that theory and legal practice should focus on the structure of norms-prescriptions (regulatory and protective), respectively highlighting the hypothesis and disposition and the hypothesis and sanction. As for the specialized norms of law (declarative, norm-principles, definitive, operational), they include such structural components as a supposed hypothesis and a real disposition. Conflict norms as a kind of specialized norms include a real hypothesis and a real disposition.

1. Введение

Важнейшими особенностями правовой нормы и в этом смысле имманентными ей свойствами являются ее специфическая, по сравнению с другими со-

циальными нормами, структура (внутренняя организация) в целом и составные ее элементы в отдельности, которые в единстве и взаимосвязи обеспечивают практическое действие правовой нормы, поз-

воляет ей реализовать свое назначение. Структура правовой нормы ассоциируется с выделением у каждой нормы неких обязательных частей, создающих устойчивый порядок ее построения; она подкрепляет и дополняет теоретическое представление о ней, заложенное в ее понятии и признаках. Одновременно с тем она устремлена на практику претворения юридических норм в жизнь, применения и других форм их реализации. Подчеркивая, что продолжая традиции русской дореволюционной юридической литературы, советские и современные российские ученые-правоведы внесли значительный вклад в разработку вопроса и структуре правовой нормы, М.И. Байтин справедливо утверждал, что «...при этом, как само собой разумеющееся, имелись в виду нормы-правила- поведения» [1, с. 215].

Думается, что вопрос о структуре специализированных норм права является проблемным, который поверхностно анализируется в юридической литературе. В свое время М. И. Байтин замечал, что «вопрос ...о структуре норм, не являющимися правилами поведения, равно как и о существовании такого рода особой разновидности юридических норм, до недавнего времени не только не рассматривался, но даже не ставился» [1, с. 215]. На данное обстоятельство обращают внимание и В.Н. Протасов и Н.В. Протасова, полагая, что «...проблематика строения нормы права относится, по существу, лишь к тем нормам права, которые непосредственно регулируют поведение, т. е. к предоставительно-обязывающим нормам. В литературе этот момент не учитывается, ведь в системе права есть и другие виды норм. Например, нормы-дефиниции, нормы-принципы и др.» [2, с. 310]. Речь идет о специализированных нормах права, которые, по мнению авторов, «...не имеют предоставительно-обязывающего характера, непосредственно не регулируют поведение, но помогают в этом другим нормам права через системные связи права» [2, с. 308]. Попутно заметим, что ученые ошибочно выделяют предоставительно-обязывающие нормы, которых как таковых нет. Речь должна идти о таком признаке правовой нормы, как ее предоставительно-обязывающий характер. Имея в виду данный признак нормы права, ученые уточняют, что «регулирующее воздействие норм права проявляется в том, что, предоставляя одной стороне регулируемого отношения право действовать по своему усмотрению, нормы в то же время возлагают на другую сторону юридическую обязанность к определенному действию, т. е. требуют поступать в

интересах обладателя права-управомоченного [3, с. 144]». В.Д. Филимонов усматривал качественное своеобразие нормы права в ее способности не просто регулировать поведение субъектов общественные отношения, а делать это с помощью предоставления лицам определенных прав и возложения на них определенных обязанностей при наступлении предусмотренных в правовой норме условий в конкретной сфере общественной жизни [4, с. 7].

Изложенной позиции близка точка зрения других авторов. Например, Р.А. Ромашов, полагая, что структура правовой нормы – это внутреннее строение правовой нормы, ее деление на составные элементы (части) и взаимосвязь этих частей между собой, отмечает, что «...такое деление характерно для правовых норм, непосредственно содержащих правила поведения» [5, с. 146].

2. Структура логической нормы права

Иными словами, рассматривая вопрос о структуре правовой нормы, ученые не имеют в виду специализированные нормы. Так, коллектив авторов – Т.Н. Радько, В.В. Лазарев, Л.А. Морозова – полагает, что **каждая** (здесь и далее выделено нами. – В. К.) правовая норма имеет внутреннее строение (содержание) – логическую структуру, состоящую из трех частей (элементов): гипотезу, диспозицию и санкцию. Все три элемента в совокупности и составляют норму права в целом [6, с. 180]. Коллектив авторов – Гойман-Калинский, Г.И. Иванец, В.И. Червонюк – полагают что «трехчленная структура нормы права (выражена в логической норме) имеет важное практическое значение; законодателя такой подход ориентирует конструировать в законе полноценную норму, способную выступать действенным регулятором, а правоприменителя нацеливает на тщательный и всесторонний анализ нормативного материала во всем его объеме, воспроизводя в нем полный набор элементов, образующих одно целое – нормативное предписание, представленное гипотезой, диспозицией и санкцией» [3, с. 145]. Рассматриваемая концепция остается наиболее распространенной в теории права, она приводится в литературе [7, с. 19]. Поясняя ее, М.Н. Марченко пишет: «Каждая правовая норма определяет правило поведения в неразрывной связи с условиями ее реализации и мерами принуждения к соблюдению; связь этих определений (элементов, атрибутов) правовой нормы образуют ее структуру: «если-то-иначе» [8, с. 371]. В представленной структуре «если» – это условие для соответствующего действия или поведения, «то»–

само действие (правило поведения, диспозиция), а «иначе» – указание на возможные неблагоприятные последствия (санкция). В принципе эта позиция соответствует точке зрения Д.А. Керимова и Д.В. Шумкова, утверждавших, что «правовая норма, как понятие абстрактное... не может быть одноэлементной или двухэлементной, она всегда состоит из трех элементов». По мнению авторов, «каждая правовая норма логична, если содержит ответы на три обязательных вопроса: какое поведение оно предусматривает для субъектов правоотношений; при каких условиях это поведение должно (или может) иметь место и какими будут последствия для лиц, не исполняющих или нарушающих установленное правило» [9, с. 50]. В категорической форме в литературе утверждается, что гипотеза, диспозиция и санкция являются необходимыми структурными элементами всех норм права. При этом подчеркивается, что ни одно предусмотренное правовой нормой правило поведения невозможно представить без указаний, при каких условиях оно должно выполняться, в чем должно выражаться и какие правовые последствия могут или должны наступить в случае невыполнения содержащихся в норме требований [4, с. 8].

3. Критика структуры логической нормы

Отметим, что в юридической науке структура логической нормы права критиковалась по разным основаниям, некоторые из которых заслуживают внимания.

Во-первых, отмечалось, что в действующих нормативно-правовых актах трудно (если вообще возможно) найти статью, которая соединила бы все три элемента правовой нормы, тогда как текстов, построенных по формуле «если-то», в законодательстве недостаточно.

Во-вторых, надобность в системно-логическом толковании права, в результате которого конструируются все три элемента правовой нормы, возникает при решении юридически споров, при применении правовых норм или при их подготовке и принятии новых нормативных актов, но не при обычном для повседневного обихода определении ближайших юридических результатов тех или иных поступков и обстоятельств в повседневном обиходе [10, с. 601].

Критикуя структуру логической нормы права, Б.И. Пугинский замечал, что затруднения при практическом применении схемы «если-то- иначе» порождались уже тем, что приходилось признавать существование нетипичных норм, не имеющих подобного строения. Ученый подчеркивал, что в праве вообще не удается отыскать нормы, построенные по

указанной модели; показательно, что ни в одной книге по теории права, в которых говорится о трехзвенном строении нормы, не приводится ни единого примера, иллюстрирующего и доказывающего данное утверждение [11, с. 24].

Справедливости ради отметим, что в литературе предпринимались попытки сторонников структуры логической нормы показать это на конкретных примерах, которые нами оцениваются не совсем удачными. Так, А.В. Малько вычленяет гипотезу, диспозицию и санкцию, как пишет автор, на примере «простейшей нормы», не указывая статьи нормативно-правового акта, в котором она закрепляется: «...граждане Российской Федерации, достигшие 18 лет, имеют право избирать; лица, препятствующие осуществлению этого права, привлекаются к административной или уголовной ответственности» [12, с. 274]. М. И. Абдулаев умудрился увидеть три элемента в норме, закрепленной в ст. 65 Семейного кодекса Российской Федерации: «Родители, осуществляющие родительские права в ущерб правам и интересам детей, несут ответственность в установленном законом порядке» [13, с. 317]. Хотя в данном случае нетрудно увидеть гипотезу («Родители, осуществляющие родительские права в ущерб правам и интересам детей» и санкцию («несут ответственность в установленном законом порядке») охранительной нормы права. В равной степени критически следует оценить попытку вычленения гипотезы, диспозиции и санкции нормы права коллективом авторов – В.Я. Любашицем, А.Ю. Мордовцевым и А.Ю. Мамычевым – в процемме анализа ст. 322 УК РФ о том, что «пересечение охраняемой Государственной границы Российской Федерации без установленных документов и надлежащего разрешения наказывается штрафом... либо лишением свободы...». Ученые интерпретируют логический смысл данной нормы и ее нормативное требование следующим образом: если мы захотим осуществить перемещение через Государственную границу РФ, то нам необходимо для этого иметь соответствующее разрешение и необходимые (установленного образца) документы, иначе мы подвергнемся наказанию в виде конкретного штрафа, либо лишению свободы на определенный срок [14, с. 453].

На утверждения о том, что не следует смешивать норму права с ее выражением в статьях нормативно-правового акта; что одна целостная норма права может быть изложена в нескольких статьях нормативного акта; что отдельная статья будет выражать только какую-то одну из частей правовой

нормы, а остальные части будут содержаться в других статьях акта и даже в других актах [15, с. 379–380], Б.И. Пугинский обоснованно замечает, что если считать, что один из элементов правовой нормы находится в одной статье нормативного акта, а остальные элементы – в иных статьях, то норма перестает быть цельным, целостным образованием. При подобном расчленении утрачивается совокупность устойчивых связей правовой нормы, обеспечивающих ее целостность и тождественность самой себе при различных изменениях ее частей. Оценивая теоретические изыскания сторонников структуры логической нормы права как крайне сомнительные и вызывающие озабоченность, ученый справедливо утверждал, что «теория права... предлагает считать нормой права некую абстракцию, допускающую произвольное соединение различных частей нормативных актов» [11, с. 25].

Логическую структуру нормы права критикует и Ю.В. Кудрявцев, указывая, что в действующем праве (и, соответственно, в законодательстве) такая схема редко наблюдается в чистом виде. Она подчас претерпевает различные метаморфозы, иногда как бы исчезает, и тогда бывает весьма нелегко за обилием логически разнородных элементов текста обнаружить эту структуру. Автором отмечалось, что «правила поведения в зависимости от потребностей регулирования выступают то в виде «нормы без санкции», то в виде «нормы без гипотезы», то в виде дефиниций, в которых структуру нормы вообще трудно обнаружить» [16, с. 54]. Признавая трехзвенную структуру недостаточно гибкой, автор полагает, что она охватывает не все элементы информации, имеющиеся в праве; не дает возможности отразить системность и функциональную взаимосвязь разных категорий адресатов (например, граждан и правоприменительных органов) [16, с. 55].

Весьма последовательно критиковал трехзвенную структуру нормы права Н.А. Пьянов, полагая, что она носит умозрительный, отвлеченный характер. Он обращал внимание на то обстоятельство, что ни в одном официальном источнике, содержащем нормы права (по крайней мере, в современном) мы не найдем норм, сформулированных подобным образом, то есть содержащих и гипотезу, и диспозицию, и санкцию одновременно. Признавая, что в действующем законодательстве мы можем встретить нормы, содержащие гипотезу и диспозицию, гипотезу и санкцию, нормы, констатирующие те или иные факты, нормы, содержащие определения по-

нятий, мы не найдем норм, сконструированных по вышеотмеченной схеме. Автор резюмирует говоря, что «нормы права – это все-таки не сконструированные теоретическим путем из различных нормативно-правовых предписаний правила поведения, состоящие из гипотезы, диспозиции и санкции, а закрепленные в статьях нормативных правовых актов предписания, установления, которые, хотя и не всегда выглядят как правила поведения, но таковыми считаются» [17, с. 169].

Думается, что не лишены смысла и положения критического характера, высказанные в свое время С.С. Алексеевым. Так, он полагал, что авторы, ограничивающие анализ структуры нормы трехчленной схемой, не замечают того, что при подобном подходе «...живая ткань права, его реальность, отличающаяся единством формы и содержания, исчезает. Исчезают также... тонкости, детали, нюансы регулирования, столь существенные для юридического опосредования общественных отношений, для решения юридических дел на практике» [18, с. 312].

Соглашаясь с приведенными критическими положениями, весьма непросто согласиться с Г.Т. Чернобелем, не поддерживающим точку зрения, согласно которой всякая правовая норма состоит из трех элементов: гипотезы, диспозиции и санкции. Основное возражение автора заключается в том, что им условия действия нормы права рассматривается в качестве предпосылки действия нормы права, а не как логический элемент ее содержания. Как пишет ученый, «та или иная гипотеза нормы права по отношению к правовой норме, нормативному предписанию выступает лишь в качестве обуславливающего, (внешнего) фактора. То же можно сказать и в отношении санкции. Если санкция применяется только в случае нарушения правовой нормы, т. е. она обеспечивает соблюдение данной нормы, то из этого с непреложной логичностью следует, что это не сама норма права или какая-то часть ее. Этот внешний по отношению к данной правовой норме фактор, который выполняет функцию ее реального гарантирования» [19, с. 41]. Автором резюмируется, что основная ошибка при выяснении логической структуры правовой нормы заключается в том, что эта структура выискивается за пределами нормы права как таковой. Логическую структуру правовой нормы образует ее содержание, а не условия, предопределяющие ее функционирование, действие, и не те средства, с помощью которых она обеспечивается [19, с. 41]. Иными словами, ученым необоснованно отождеств-

лялась диспозиция нормы права с самой нормой права. На это обстоятельство неоднократно обращалось внимание. Так, ряд ученых, не отрицая, что главным элементом, сердцевинной юридической нормы, заключенного в ней правила поведения является диспозиция, которую нельзя отождествлять с нормой права. Как пишет автор, диспозицию нельзя ни противопоставлять другим составным элементам нормы права, ни отрывать от них. Несмотря на свою приоритетность в структуре правовой нормы, диспозиция сама по себе еще не есть норма права [1, с. 217; 20, с. 126].

Видимо, не случайно в ответ на данную критику достаточно давно наметилось сближение поначалу противоположных взглядов на структуру правовой нормы. Сторонники «трехэлементной структуры» правовой нормы ввели в категориальный аппарат теории права понятие «нормативное предписание», под которым понимается сформулированное в тексте нормативного акта логически завершенное положение, направленное на регулирование определенного вида общественных отношений [21, с. 34]. Тем самым, с позиции О.Э. Лейста, снимается то возражение против «трехэлементной структуры» правовой нормы о том, что в ней как бы «растворяются» относительно самостоятельные предписания права, способные регулировать поведение людей и общественные отношения и потому обособленные в тексте нормативного акта. Открывается также путь к углубленному анализу закономерностей связи текстов нормативных актов с содержащимися в них правовыми предписаниями [10, с. 622].

4. Структура норм-предписаний

Думается, что более ближе к истине та позиция, согласно которой «для того чтобы возникло (изменилось, прекратилось) правоотношение, достаточно двух элементов: а) указание на определенные юридически значимые обстоятельства; б) указание на те правовые последствия, которые эти обстоятельства вызывают. Сторонники данной точки зрения пишут, что «если... задача анализа текста нормативно-правового акта ограничивается выяснением правовых последствий, которые вызывают те или иные юридические факты, то достаточно двухэлементной конструкции правовой нормы. И эта конструкция отражается схемой: «если... то...» [2, с. 311]. Если критически оценить изложенную позицию, то, во-первых, следует конкретно указывать, что речь идет об а) гипотезе и б) диспозиции или санкции норм права, которые присущи соответственно регулятивным и охранительным нормам права; во-вторых, авторы

необоснованно сужают содержание гипотезы нормы права указанием лишь на юридические факты, не учитывая, что в ней содержится указание на адресата нормы права, ее пространственно-временную сферу действия; в-третьих, в своих рассуждениях ученые должны иметь в виду не текст нормативно-правового акта, а нормы права.

5. О статусе специализированных норм права

Относительно специализированных норм позиции авторами высказываются самые разные и даже диаметрально противоположные. Некоторые ученые-теоретики при классификации норм права вообще не упоминают специализированные нормы права. Так, С.А. Комаров, анализируя лишь нормы-принципы, полагает, что последние «не содержат явно выраженных элементов норм права, они являются результатом нормативных обобщений, выражают социальное содержание всех норм права данной группы [22, с. 181]. Игнорируют специализированные нормы права и ряд других ученых [23–26]. М.М. Рассолов, ошибочно называя специализированные нормы «специальными», относя к последним нормы декларативные, оперативные и коллизионные, полагает, что их нельзя отнести к правовым нормам, поскольку они не определяют непосредственно права и обязанности субъектов. Автором они определяются как когнитивные правила законодательства, имеющие интеллектуальную направленность, «...тем ориентиром, который при наличии определенных жизненных обстоятельств должен учитывать каждый субъект, определяющих круг своих полномочий и обязанностей». М.М. Рассолов обращает внимание на то обстоятельство, согласно которому «...некоторые из них при соответствующей интерпретации могут получить непосредственно правовое значение» [27, с. 202–203]. Данное положение представляет весьма абстрактным, требующим дополнительных разъяснений.

По-видимому, такое негативное отношение к специализированным нормам права во многом определяется позицией советского ученого В.М. Горшенева, который впервые определял как некие **нетипичные предписания**, входящие в содержание права в качестве специфических установлений определенного уровня, которые должны отграничиваться от норм права. Автор считал, что «уяснение их природы, содержания, а также регулятивного назначения... следует проводить при соблюдении их собственной автономии в категориальном строе теории социалистического права» [28, с. 113]. С позиции В.М. Горшенева, исходным научным положением

при этом должен быть вывод о том, что норма права является композицией классического нормативного обобщения, аккумулирующего в себе все типичные черты нормативного указателя в виде четкого правила поведения. Нормативные предписания «нетипичны» потому, что несут в себе незавершенные черты модели, хотя и выступают в качестве нормативных установлений государства [28, с. 113–114].

На наш взгляд, некоторую непоследовательность в признании или, напротив, в непризнании специализированных норм права проявляет М.Н. Марченко, который в некоторых из своих работ, обращаясь к специализированным нормам права, соответствующим образом их классифицирует [29, с. 626; 30, с. 586–587], а в других – категорически отрицает. В последнем случае автором утверждается, что «иногда от норм- правил поведения (норм непосредственного регулирования человеческого поведения) отличают исходные правовые нормы (нормы-начала), имеющие наиболее общий характер, наиболее высокую форму абстрагирования» [31, с. 735]. Ученый полагает, что «для такого деления нет объективных оснований, если исходить из того, что сущность права состоит в регулировании поведения людей и их отношений. Так называемые нормы-принципы, дефинитивные и иные нормы представляют собой нормативные предписания высокого уровня обобщения, вынесенные за скобки норм-правил поведения, но обретающие действенность и юридическую силу лишь в составе каждой из них» [31, с. 735].

Напротив, совершенно иное, положительное отношение к специализированным нормам права проявляет другая группа авторов [18, с. 318–319; 32, с. 8–13]. В частности, имеется в виду позиция одного из известных ученых-теоретиков – С.С. Алексеева, который, имея в виду специализированные нормы права, писал, что они «...в отличие от регулятивных и охранительных, носят дополнительный характер... не являются самостоятельной нормативной основой для возникновения правоотношений», а «при регламентировании общественных отношений они как бы присоединяются к регулятивным и правоохранительным, образуя в сочетании с ними единый регулятор» [33, с. 236].

Несколько иной позиции по вопросу о месте специализированных норм в системе норм права придерживается коллектив авторов – В.Я. Любашиц, А.Ю. Мордовцев и А.Ю. Мамычев, – который полагает, что учредительные (исходные) нормы (так ими

названы специализированные нормы права. – В. К.) «занимают особое, ведущее место в государственно-правовом механизме регулирования общественных отношений и, соответственно, высшую юридическую силу по сравнению с другими видами норм права» [34, с. 466; 35, с. 158].

М.И. Байтин, придерживаясь подобной позиции, считал, что специализированные нормы выполняют особую роль в механизме регулирования общественных отношений, а основное их назначение состоит в том, что именно они определяют основы правового регулирования общественных отношений, его цели, задачи, принципы, пределы, направления, закрепляют правовые категории и понятия [36, с. 156–176].

Следует, на наш взгляд, солидаризоваться с ученым, утверждавшим, что является неправильным сводить исходные нормы, именуя их «нестандартными предписаниями», к нормам, имеющим дополнительный характер, ибо они «занимают высшую ступень в иерархии общеобязательных правовых предписаний» [1, с. 241]. В частности, речь идет о позиции Ф.Н. Фаткуллина, который, соглашаясь с В.М. Горшеневым в том, что «в действительности не все нормативные предписания государства представляют собой классическую модель нормы права и поэтому нет достаточных оснований отождествлять многие из них с нормой права», что «немало нетипичных» нормативных предписаний нестандартного характера, в которых отсутствуют те или иные свойства, признаки, моменты, объективно присущие классической модели права» [28, с. 113, 115], и одновременно сомневаясь в той части, где эти нетипичные предписания общего характера оцениваются как существующие независимо от правовых норм, входящих в содержание права наряду с ними, «играющие по отношению к норме права и содержанию всего права субсидарный характер и выполняющие роль обстоятельств, дополняющих всю композицию права» [28, с. 115], полагает, что было бы правильно относиться к подобным «нестандартным предписаниям» как к «строительному» материалу, из которого создаются нормы права [37, с. 180].

Ю.В. Кудрявцев убежден в том, что дефиниции и им подобные положения нельзя считать самостоятельными нормами права, хотя они и играют существенную, подчас решающую роль в регулировании человеческого поведения, хотя и не воздействуют на него непосредственно. Автор считает, что право представляет собой систему норм, устанавливаю-

щих взаимные права и обязанности субъектов. Дефиниции же можно рассматривать как своего рода «вспомогательную информацию», ибо они уточняют, раскрывают положения, являющиеся составными частями элементов нормы. С позиции ученого, по своему «адресату» дефиниции всегда могут быть прикреплены к той или иной норме, хотя «обслуживают» много норм в силу общности понятий в разных институтах, отраслях права.

Наконец, привлекает внимание положение Ю.В. Кудрявцева о том, что дефиниции, уточняющие то или иное нормативное положение, – это «декомпозированная» норма, то есть разложенная на составные смысловые части [38, с. 70–71].

Развивая данные положения, И.В. Москаленко также возражает против отождествления правовых дефиниций с нормами права, ибо это не согласуется с этимологией терминов. Тем не менее им отмечается наличие тесной связи правовых дефиниций с нормами права. Более того, по мнению автора, существуют случаи использования дефиниций в качестве одного из элементов норм гражданского законодательства. В форме дефиниций часто формулируются юридические факты, составляющие гипотезу соответствующих гражданско-правовых норм. Автором утверждается и то, что, будучи закрепленными в гипотезе правовых норм, правовые дефиниции выступают по отношению к ним первичным элементом механизма гражданско-правового регулирования, ибо лишь при наступлении жизненных обстоятельств, закрепленных в определении понятия, составляющего содержание гипотезы правовой нормы, предусмотренные этой нормой правовые последствия трансформируются в субъективные права и обязанности конкретных субъектов гражданских правоотношений [39, с. 56–60]. Другими словами, речь идет о том, что в данном случае такие специализированные нормы, как правовые дефиниции, проявляют себя в качестве особого правового явления, выступающего юридическим выражением различных элементов механизма правового регулирования, не являясь при этом разновидностью юридических норм.

Не причисляет правовые дефиниции к уголовно-правовым нормам и М.Б. Кострова, считая более верным признать их одним из видов нормативно-правовых предписаний [40, с. 82].

На наш взгляд, промежуточную позицию по рассматриваемой проблеме занимают представители юридико-доктринальной трактовки права, рассматривающие правовую дефиницию не как само-

стоятельный элемент правового регулирования, а как модификацию одного из специфических проявлений правовых норм [41, с. 427; 42, с. 172], а также авторы, признающие первую в качестве «составной части нормы права, существующего в виде нормативно-правового предписания, представляющего собой способ текстуального выражения частей норм права (гипотез, диспозиций)» [43, с. 65].

Не признает в качестве норм права нормы-принципы В.И. Бородянский, указывая, что «...фактическое отождествление норм и принципов права нельзя признать корректным в этимологическом плане» [44, с. 109].

В связи с анализом рассматриваемых вопросов нельзя не отметить весьма спорную точку зрения М.Л. Давыдовой. С одной стороны, она полагает, что все формальные признаки правовой нормы (связь с государством, формальная определенность, общий характер, предоставительно-обязывающий характер и др.) являются признаками всех типов нормативно-правовых предписаний (причем первичным носителем этих признаков следует считать предписание [45, с. 62–67]). С другой стороны, систему нормативно-правовых предписаний она представляет следующим образом: 1) нормативно-вспомогательная часть, включающая нормативно-правовые декларации, нормативно-правовые дефиниции, нормативно-правовые принципы; 2) основная часть, состоящая из нормативно-правовых предписаний, выражающих правовые нормы [46, с. 66].

Полагаем, что более обоснованной следует признать точку зрения ученых, не сомневающихся в самостоятельном характере специализированных норм. Так, М.И. Байтин, не отрицая деления норм права на правила поведения и исходные (отправные, учредительные) нормы, писал о том, что первые – это непосредственно регулятивные нормы, нормы прямого регулирования, которые при наличии соответствующих условий устанавливают вид и меру охраняемого и гарантируемого государством возможного и должного поведения участников общественных отношений, их взаимные субъективные права и юридические обязанности; вторые же представляют собой нормы опосредованного регулирования [47, с. 359], которые устанавливают общие начала, исходные положения и направления правового регулирования, действуя в системной связи и единстве с нормами-правилами поведения, детализируются и реализуются через них [47, с. 359].

Ученый в категорической форме не соглашался с мнениями, согласно которым следует различать

понятие нормы права, имея в виду только нормы-правила поведения, и более объемное по сравнению с ним понятие общего правового предписания, охватывающего, наряду с нормами права, также юридически закрепленные так называемые нестандартные предписания: принципы, дефиниции, декларации, ибо в действительности норма права и есть общее правовое предписание. М.И. Байтин пришел к выводу о том, что «...правовое регулирование немислимо без органического сочетания и взаимодополнения в системе права, во всех отраслях отправных (исходных, учредительных) норм и норм-правил поведения» [47, с. 359]. Учеными отмечается, что «основное отличие норм-правил поведения от исходных норм состоит в том, что нормы-правила поведения непосредственно направлены на регулирование общественных отношений, поведение людей, а воздействие исходных норм на общественные носит опосредованный характер [48, с. 371].

Сторонником признания правовой дефиниции как одной из разновидностей правовых норм является Г.В. Мальцев, полагающий, что она не содержит никакого веления, она ничего не требует, а лишь сообщает нам нечто главное о предмете. Как полагает ученый, дефиниция, включаемая в законодательный акт, становится институционализированной, облеченной в юридическую форму, общую для норм-правил поведения, норм-принципов, норм-деклараций, норм-целей [49, с. 712]. Иными словами, имеется в виду, что дефиниция, будучи дескриптивным высказыванием, может трансформироваться в предписывающую правовую норму. Суть требования (элемент императивности) заложен не в самой дефиниции, а в необходимости учитывать ее, считаться с ней при совершении юридических действий. Рассуждениям о несовместимости норм и дефиниций на том основании, что якобы первые выражают должное, а вторые – сущее, с точки зрения автора, нельзя придавать большого значения, так как, во-первых, между должным и сущим нет непреходимых граней, во-вторых, онтологический статус юридических норм, будучи двойственным, располагается как в сфере должного, так и в сфере сущего [49, с. 712]. Согласимся с тем, что дефиниция не содержит субъективных прав и юридических обязанностей субъекта правоотношения [4, с. 11], но она тем не менее контролирует ряд обстоятельств (юридических фактов), которые делают возможным само правоотношение, так же, как права и обязанности, реализуемые в нем

согласно норме-правилу поведения. Правовые понятия также могут направляющим образом влиять на ход правоотношения. Более того, юридические дефиниции некоторых предметов или процессов содержат минимальный состав юридических фактов, необходимых для возникновения, изменения или прекращения правовых отношений, связанных с данным предметом. В этом, подчеркивает ученый, и выражается регулятивный эффект норм-дефиниций [49, с. 713]. И, пожалуй, самое главное в анализируемой позиции: «то, что делает юридическую дефиницию нормой, не зависит от ее простоты или сложности, от каких-либо формальных качеств вообще; это способность быть регулятором, наличие у них регулятивной функции» [49, с. 717].

6. О видах специализированных норм права и их характеристиках

На вопрос о том, какие же специализированные нормы права имеются в виду, следует сразу отметить, что из их системы нами исключаются поощрительные нормы [50, с. 202], которые стимулируют как обычное (необходимое, желательное), так и правоактивное поведение; учредительные [3, с. 152] и общие (закрепительные) нормы [2, с. 308], нормы-расчеты [2, с. 308], правовые презумпции и фикции [51, с. 6], преюдиции и правовые аксиомы [52, с. 338].

При этом нами учитываются и иные мнения о составе специализированных норм права. Так, некоторые ученые полагают, что в качестве таковых выступают общие (закрепительные) нормы – «нормы права, устанавливающие, закрепляющие общие условия действия предоставительно-обязывающих норм». По мнению авторов, к ним относятся, например, «нормы, регламентирующие условия правосубъектности, общие условия исполнения обязательств в гражданском праве, нормы общей части уголовного права (вернее, кодекса. – В. К.), указывающие на некоторые единые признаки преступлений, наказаний, условий освобождения от наказания и др.» [2, с. 308]. Зачастую в качестве специализированных норм рассматривают учредительные нормы – «нормативные положения статусного характера (учреждающие статус должностного лица, устанавливающие правовой режим регулирования и др.». Утверждается, что примером такой разновидности норм является ст. 80 Конституции РФ: «Президент Российской Федерации является главой государства» [3, с. 152].

А.В. Баранов, необоснованно отождествляя учредительные и декларативные правовые нормы, пишет, что они «...представляют собой самостоятельный вид системоопределяющих норм, так как именно они придают правовому регулированию соответствующее обоснование и определенную убедительность» [53, с. 13]. Здесь, видимо, следует учитывать принципиальную точку зрения С.С. Алексеева, полагавшего, что «специализированные предписания в отличие от регулятивных и охранительных имеют дополнительный характер»; «они не являются самостоятельной нормативной основой для возникновения правоотношений»; «при регламентировании общественных отношений они как бы присоединятся к регулятивным и охранительным предписаниям, образуя в сочетании с ними единый регулятор» [18, с. 318–319].

На наш взгляд, в качестве специализированных норм права следует рассматривать следующие, обращая при этом в той или иной степени на их особенности.

Декларативные – предписания, определяющие цели, задачи отдельных отраслей права, правовых институтов, предмет, формы и средства правового регулирования.

Нормы-принципы – законодательные предписания, выражающие и закрепляющие принципы права. С позиции В.И. Червонюка, «принципы права – это общеобязательные исходные нормативные юридические положения, отличающиеся универсальностью, общей значимостью, высшей императивностью, определяющие содержание правового регулирования и выступающие критерием правомерности поведения и деятельности участников регулируемых правом отношений» [54, с. 138]. Большинство ученых-теоретиков рассматривают нормы – принципы как один из видов правовых норм. Так, С.С. Алексеев в свое время утверждал, что нормы-принципы имеют известное самостоятельное регулирующее значение, направляя юридическую практику, определяя общие линии решения юридических дел [33, с. 242]. Некоторыми авторами нормы-принципы определяются как «законодательные предписания, выражающие и закрепляющие принципы права», отмечается при этом, что их регулирующее воздействие на общественные отношения весьма велико, вследствие чего их нельзя рассматривать в качестве вспомогательной информации, а не самостоятельных правовых норм [55, с. 159–160]. Н. С. Малейн обращал внимание на то, что «из сферы правосознания, науки, теории идеи-принципы во-

площаются, переходят в сферу правотворчества, объективируясь в нормах права и правоотношениях» [56, с. 13]. Многими учеными признается, что основополагающие идеи, выраженные в законах, становятся правовыми нормами, приобретают государственно-властный характер. Никакие научные идеи, не получившие закрепления в законе, не могут считаться правовыми принципами. Они не могут регулировать правовые действия и правовые отношения [57, с. 9; 58, с. 92–98]. Говоря о нормах-принципах, Р.З. Лившиц полагал, что «и при применении законов, и при восполнении пробелов в правовом регулировании, и в судебной практике они служат векторами правоприменительной деятельности» [59, с. 200].

Дефинитивные нормы закрепляют в обобщенном виде признаки той или иной правовой категории (например, понятие преступления в уголовном праве, понятие юридического лица в гражданском праве и др.). Дефинитивные нормы содержат легальные (установленные в законе) определения (дефиниции) терминов, встречающихся в других нормах. Они предписывают, как следует понимать соответствующие термины [60, с. 12–19]. Как обоснованно полагает А.В. Баранов, правовая дефиниция, будучи помещенной в правовую материю, то есть выраженной в тексте нормативно-правового акта, получив в нем строго определенную форму языкового выражения, приобретает характер правовой нормы. Автором подчеркивается, что именно с помощью дефинитивных норм нормативно-правовому акту придается внутренняя согласованность, а сформулированные в нем понятия создают условия для непротиворечивости и согласованности правового регулирования [53, с. 17].

Коллизионные нормы призваны устранять возникающие противоречия между правовыми предписаниями. Коллизионные нормы указывают на правовые нормы, которые должны быть применены в случае коллизии норм, то есть столкновения норм права, регулирующих одни и те же общественные отношения по-разному. В литературе коллизионные нормы понимаются как нормы, принимаемые с целью устранения коллизий либо определяющие порядок разрешения противоречий между предписаниями (нормативными правовыми актами), изданными по одному и тому же вопросу [3, с. 159]. Н.А. Власенко, обращаясь к характеристике коллизионных норм, обоснованно полагает, что «требования, предписания коллизионных норм, как и любой правовой нормы, являются обязательными

для субъекта, применяющего конкретные материальные нормы, то есть исполнение предписаний данных норм – одно из требований... законности к применению права» [61, с. 43].

Оперативные нормы регулируют отмену норм права, распространяют их действие на новые сферы, продлевают их действие. Они обеспечивают правовую регламентацию оперативным путем – не изданием новых регулятивных норм, а через изменение сферы и сроков действия уже функционирующих юридических норм или через прекращение их действия вообще.

7. О структуре специализированных норм права

Немногочисленные ученые, признавая специализированные нормы в качестве именно норм права, так или иначе, в той или иной форме высказываются об их структуре. В.К. Бабаев в коллективной монографии, посвященной теоретическим проблемам норм права, в связи с разработкой в ней концепции деления норм права на отправные (исходные, учредительные) нормы и нормы-правила поведения, высказал мысль о том, что соответственно следует различать и структуру названных юридических норм. По его мнению, «нет смысла искать в отправных (учредительных) нормах гипотезу, диспозицию или санкцию. Они имеют иные структурные элементы» [62, с. 96–97]. Предприняв попытку обоснования данного вывода, В.К. Бабаев отмечал, что при всем отличии отправных норм друг от друга степенью общности, функциональным назначением, диапазоном действия, общеправовой или отраслевой принадлежностью «всем им присуще общее свойство – они законодательно закрепляют (учреждают) какое-либо правовое положение материального или процедурного характера. Делается это путем либо его словесного обозначения, либо указания одного или нескольких существенных признаков, либо полного определения (дефиниции). Эти признаки правового понятия, явления, принципа, общественно-политической ситуации выступают в качестве структурных элементов отправной (учредительной) юридической нормы» [62, с.96].

Сразу ставится под сомнение возможность отождествления признаков и структурных элементов того или иного феномена, учитывая, что под признаком понимается «свойство, по которому познают

или узнают предмет», а под элементами – «первоначальное вещество»¹. В другом философском словаре отмечается, что элемент – «понятие объекта, входящего в состав определенной системы и рассматриваемого в ее пределах как неделимый»². С позиции С.И. Ожегова, признак – «показатель, примета, знак, по которому можно узнать, определить что-нибудь», а элемент – «составная часть чего-нибудь»³.

Оценивая высказанные В.К. Бабаевым соображения о структуре отправных норм права (норм-принципов, норм-дефиниций и т. д.), представляющие определенный научно-практический интерес, особенно в связи с наметившейся специализацией правовых норм в регулировании общественных отношений, М.И. Байтин полагал, что первые пока лишь намечают один из возможных подходов к исследованию поставленного вопроса, они нуждаются в дальнейшей углубленной теоретической разработке и проверке практикой [1, с. 216].

Обращаем внимание, что, несмотря на высказанную им ранее позицию, Н.А. Власенко считает, что «нормы, обеспечивающие функциональную специализацию, четко выраженной (закономерной) структуры не имеют и иметь не могут в силу своей природы. Например, вряд ли можно говорить о гипотезе или диспозиции дефинитивной, коллизионной, оперативной и др.» [63, с. 115] норм права.

Подобную точку зрения высказывает и И.А. Иванников, утверждающий, что совершенно иной является структура правовых норм, которые не являются правилами поведения (исходные, дефинитивные, учредительные). Автор полагает, что они не имеют гипотезы, диспозиции, санкции, а содержат иные структурные элементы. С позиции автора, учредительные нормы закрепляют какой-либо правовой статус; дефинитивные нормы могут фиксировать один признак предмета или несколько. Утверждается, что «в структуре норм права, не являющихся правилами поведения, часто содержатся дескриптивные термины (единичные и общие), предикатные выражения (характеризующие свойства предметов или соотношения между ними), предметно-функциональные выражения» [64, с. 194]. При этом изложенная позиция представляется весьма абстрактной, она не сопровождается конкретными примерами. Н.А. Пьянов полагал, что в

¹ Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. : Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. М.: ИНФРА-М, 2000. С. 362, 537.

² Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М.: Политическая литература, 1986. С. 559.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984. С. 511, 788.

конститутивных, дефинитивных и оперативных нормах практически не существует ни гипотезы, ни диспозиции, ни санкции. В отношении коллизионных норм права автор делал исключение. Утверждая, что она состоит из двух элементов: объема, в котором указывается на коллидирующие нормы, и привязки, определяющей закон, подлежащий при наличии коллизии, указанной в объеме [17, с.169].

Т.Н. Радько, рассуждая об учредительных нормах права, содержащихся в конституционном праве, о нормах-принципах и нормах-декларациях, подчеркивает, что в них нередко отсутствуют санкция или гипотеза, акцент делает на такую структурную часть, как диспозиция. При этом приводится норма, закрепленная в ч. 1 ст. 1 Конституции РФ: «Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления» и закрепляется, что «...это установление обязательно для всех субъектов законодательной, исполнительной и судебной власти...» [65, с. 272]. Этому мнению близка и такая позиция в отношении структуры специализированных норм права (которые определяют, как отправные), согласно которой они имеют особую структуру (отсутствие санкции, гипотезы); их специфика собственно выражается в диспозиции: «Президент Российской Федерации является главой государства» (ст. 80 Конституции РФ) [3, с. 151].

Что касается нашей позиции, она выражается в том, что, учитывая, что любая норма права – логическая, норма-предписание (регулятивная и охранительная) и специализированная – формулируется путем логических рассуждений, принимая во внимание, что специализированные нормы права по своему социальному назначению, функциям и структуре наиболее близки к регулятивным нормам, большинство специализированных норм имеют предполагаемую гипотезу и реальную диспозицию. Например, если деликтоспособное физическое лицо привлекается к уголовной ответственности (предполагаемая диспозиция), то ее основанием является преступление, т. е. «...виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом (УК. – В. К.) под угрозой наказания» (ч. 1 ст. 14 УК РФ) (реальная диспозиция). При привлечении физического лица к уголовной ответственности и определении ему наказания за совершенное преступление (предполагаемая гипотеза) соответствующие должностные лица должны обязаны соблюдать принцип законности, который, согласно ч. 1 ст. 3 УК РФ, предполагает, что «преступность деяния, а также

его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом» (реальная диспозиция).

9. Структура коллизионных норм права

Полагаем, что при решении проблемы структуры специализированных норм права особняком стоят коллизионные нормы права, имеющие реальные и гипотезу, и диспозицию. Кстати говоря, подобную позицию высказывают и некоторые ученые.

Так, имея в виду коллизионные нормы права, Н.А. Власенко, рассуждает следующим образом: «Рассматривая вопрос о юридическом содержании этой разновидности специализированных норм, мы отмечали, что последняя, как правило, начинается с перечисления тех отношений, к которым «привязывается» соответствующий закон. Поэтому та часть нормы, которая очерчивает круг необходимых отношений («объем»), по традиции именуется гипотезой. Вторая часть нормы, содержащая указание на то, какой закон (правовая система) подлежит применению («привязка»), получила название диспозиции». Ученый резюмирует, что «...содержание коллизионных норм объективно предопределяет их организацию из двух частей – гипотезы и диспозиции, которые и составляют специфику данной группы норм с точки зрения их структуры» [61, с. 54].

С позиции М.Л. Давыдовой, внутренняя структура системосохраняющих правовых велений в целом соответствует классической двучленной структуре регулятивных нормативных предписаний (гипотеза-диспозиция). Автор полагает, что в отличие от других системосохраняющих нормативных предписаний, структурные элементы коллизионных имеют традиционные специфические наименования: объем и привязка, имея в виду под первой гипотезу, которая описывает при этом круг регулируемых отношений или характер проблемы, возникающей в связи с выбором правовой нормы, а под второй – диспозицию, которая указывает на нормы, которые в данном случае подлежат применению. Данное теоретическое положение подкрепляется примерами. Так, «в случае противоречия указа Президента РФ или постановления Правительства РФ настоящему Кодексу или иному закону (гипотеза-объем) применяется настоящий Кодекс или соответствующий закон (диспозиция-привязка)» (ч. 5 ст. 3 ГК РФ) [66, с. 137].

Справедливости ради заметим, что не все ученые соглашались с выделением в коллизионных нормах гипотезы и диспозиции, «так как привязка (диспозиция. – В. К.) не указывает на юридические права и обязанности участников общественных от-

ношений» [17, с. 169–170], не обращая при этом внимания на ту особенность специализированных юридических норм, включая и коллизионные, в силу которой они «...не имеют предоставительно-обязывающего характера и участвуют в правовом регулировании поведения через системные связи с другими нормами права» [2, с. 308].

10. Выводы

Не будучи сторонником трехзвенной структуры логической нормы права, отмечу, что теория и юридическая практика должны сосредоточить внимание

на структуре норм-предписаний (регулятивных и охранительных), соответственно выделяя гипотезу и диспозицию и гипотезу и санкцию. Что же касается специализированных норм права (декларативных, норм-принципов, дефинитивных, оперативных), то они включают в себя такие структурные компоненты, как предполагаемую гипотезу и реальную диспозицию. Коллизионные нормы, также относящиеся к специализированным нормам, включаются в себя реальную гипотезу и реальную диспозицию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М.И. Байтин. – Саратов : СГАП, 2001. – 416 с.
2. Протасов В.Н. Лекции по общей теории права и теории государства / В.Н. Протасов, Н.В. Протасова. – М. : Городец, 2010. – 752 с.
3. Гойман-Калинский И.В. Элементарные начала общей теории права : учебное пособие / И.В. Гойман-Калинский, Г.И. Иванец, В.И. Червонюк ; под общей ред. В.И. Червонюка. – М. : Право и закон, КолосС, 2003. – 544 с.
4. Филимонов В.Д. Норма права и ее функции / В.Д. Филимонов // Государство и право. – 2007. – № 9. – С. 5–12.
5. Ромашов Р.А. Теория государства и права: краткий курс / Р.А. Ромашов. – СПб. : Питер, 2010. – 304 с.
6. Радько Т.Н. Теория государства и права : учебник / Т.Н. Радько, В.В. Лазарев, Л.А. Морозова. – М. : Проспект, 2012. – 568 с.
7. Берг О.В. Некоторые вопросы теории норм права / О.В. Берг // Государство и право. – 2003. – № 4. – С. 19–25.
8. Марченко М.Н. Теория государства и права : курс лекций / М.Н. Марченко. – М. : Зерцало, 1996. – 466 с.
9. Керимов Д.А. Основы учения о праве и государстве : учебник / Д.А. Керимов, Д.В. Шумков. – М. : ЗАО ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 320 с.
10. Лейст О.Э. Нормы права // Проблемы теории государства и права : учебник / под ред. М.Н. Марченко. – М. : Юрист, 2002. – С. 589–625.
11. Пугинский Б.И. О норме права / Б.И. Пугинский // Вестник Московского ун-та. Право. – 1999. – № 5. – С. 23–33.
12. Малько А.В. Нормы права // Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права : учебник / Н.И. Матузов. – М. : Дело, 2009. – С. 268–282.
13. Абдулаев М.И. Теория государства и права : учебник / М.И. Абдулаев. – М. : Экономика, 2006. – 623 с.
14. Любашиц В.Я. Теория государства и права : учебник / В.Я. Любашиц, А.Ю. Мордовцев, А.Ю. Мамычев. – Ростов н/Д. : Феникс, 2019. – 700 с.
15. Теория государства и права : курс лекций / под ред. М.Н.Марченко. – М. : Зерцало, 1997. – 467 с.
16. Кудрявцев Ю.В. Нормы права как социальная информация : монография / Ю.В. Кудрявцев. – М. : Юрид. лит-ра, 1981. – 144 с.
17. Пьянов Н.А. Консультации по теории государства и права : учебное пособие / Н.А. Пьянов. – Иркутск : Иркутский гос. ун-т, 2010. – 583 с.
18. Алексеев С.С. Общая теория права : учебник / С.С. Алексеев. – М. : Проспект, 2008. – 576 с.
19. Чернобель Г.Т. Структура норм права и механизм их действия (логические аспекты) / Г.Т. Чернобель // Правоведение. – 1983. – № 6. – С. 40–47.
20. Чистяков Н.М. Теория государства и права : учебное пособие / Н.М. Чистяков. – М. : КНОРУС, 2010. – С. 288 с.

21. Мицкевич А.В. Акты высших органов советского государства / А.В. Мицкевич. – М.: Юрид. лит-ра, 1967. – 175 с.
22. Комаров С.А. Общая теория государства и права : курс лекций / С.А. Комаров. – М. : Юрайт, 1998. – 416 с.
23. Теория государства и права : учебник / под ред. Г.Н. Манова. – М. : БЕК, 1995. – 336 с.
24. Проблемы теории государства и права : учебник / под ред. М.Н. Марченко. – М. : Юристь, 1999. – 656 с.
25. Проблемы общей теории права и государства : учебник / под ред. В.С. Нерсисянца. – М. : Норма-ИНФРА-М, 1999. – 816 с.
26. Венгеров А.Б. Теория государства и права : учебник / А.Б. Венгеров. – М. : Омега-Л, 2007. – 608 с.
27. Рассолов М.М. Проблемы теории государства и права : учебное пособие / М.М. Рассолов. – М. : ЮНИТА-ДАНА : Закон и право, 2007. – 431 с.
28. Горшенев В.М. Нетипичные нормативные предписания в праве / В.М. Горшенев // Сов. государство и право. – 1978. – № 3. – С. 113–118.
29. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права : учебник / М.Н. Марченко. – М. : Проспект, 2007. – 757 с.
30. Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права : учебник : в 2 т. / М.Н. Марченко. – Т. 2 : Право. – М. : Проспект, 2008. – 656 с.
31. Марченко М.Н. Нормы права // Теория государства и права : учебник / под ред. М.Н. Марченко. – М. : Зерцало, 2009. – С. 719–741.
32. Кожевников В.В. Специализированные нормы современного российского права: юридическая природа, классификация и место в системе правовых норм / В.В. Кожевников, М.В. Мартыненко // Современное право. – 2014. – № 4. – С. 8–13.
33. Алексеев С.С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. / С.С. Алексеев. – Свердловск : Свердловский юрид. ин-т, 1972. – Т. 1. – 396 с.
34. Любашиц В.Я. Теория государства и права : учебник / В.Я. Любашиц, А.Ю. Мордовцев, А.Ю. Мамычев. – Ростов н/Д. : Феникс, 2010. – 700 с.
35. Бошно С.В. Теория государства и права : учебник / С.В. Бошно. – М. : Эксмо, 2007. – 400 с.
36. Бабаев В.К. Классификация советских правовых норм // Нормы советского права. Проблемы теории : монография / В.К. Бабаев, М.И. Байтин, В.М. Баранов и др. ; под ред. М.И. Байтина, В.К. Бабаева. – Саратов: Саратовский ун-т, 1987. – С. 156–176.
37. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы общей теории социалистической правовой надстройки / Ф.Н. Фаткуллин. – Казань : Изд-во Казанского гос. ун-та, 1980. – Т. 1. – 247 с.
38. Кудрявцев Ю.В. Норма права как социальная информация / Ю.В. Кудрявцев. – М. : Юрид. лит-ра, 1983. – 144 с.
39. Москаленко И.В. Юридическая природа и соотношение гражданско-правовых дефиниций и норм / И.В. Москаленко // Современное право. – 2005. – № 5. – С. 56–60.
40. Кострова М.Б. Дефинирование понятий и терминов, используемых в УК РФ / М.Б. Кострова // Журнал российского права. – 2003. – № 12. – С. 80–88.
41. Нерсисянец В.С. Общая теория права и государства : учебник / В.С. Нерсисянец. – М. : Норма, 1999. – 552 с.
42. Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики. Содержание и форма в праве и проблема законодательной стилистики : учебное пособие : в 2 ч. / А.А. Ушаков. – Пермь : Перм. гос. ун-т, 1967. – Ч. 1. – 206 с.
43. Мамедов Э.В. Правовые дефиниции и юридические нормы как элементы механизма правового регулирования / Э.В. Мамедов // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 8. – С. 62–65.
44. Бородянский В.И. Гносеологический аспект исследования механизма взаимодействия принципов и норм гражданского права / В.И. Бородянский // Государство и право. – 2002. – № 5. – С. 108–110.
45. Давыдова М.Л. Норма права и нормативно- правовое предписание: общие и отличительные признаки / М.Л. Давыдова // Вестник ВолГУ. – 2000. – № 3. – С. 62–67.
46. Давыдова М.Л. Нормативно-правовое предписание: природа, типология, юридическое оформление / М.Л. Давыдова. – СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2009. – 214 с.

47. Байтин М.И. Нормы права // Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юрист, 2007. – С. 357–373.
48. Виноградов В.В., Лебедева Н.Н. Нормы права в свете современных предписаний // Актуальные проблемы теории государства и права : учебное пособие / отв. ред. Р.В. Шагиева. – М. : Норма-ИНФРА-М, 2011. – С. 368–389.
49. Мальцев Г.В. Социальные основания права / Г.В. Мальцев. – М. : Норма, 2007. – 800 с.
50. Власов В.И. Теория государства и права : учебное пособие / В.И. Власов, Г.Б. Власова. – Ростов н/Д. : Феникс, 2011. – 331 с.
51. Кузнецова О.А. Специализированные нормы гражданского права: теоретические проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / О.А. Кузнецова. – Екатеринбург : Уральская гос. юрид. академия, 2007. – 43 с.
52. Червонюк В.И. Теория государства и права : учебник / В.И. Червонюк. – М. : ИНФРА-М, 2006. – 704 с.
53. Баранов А.В. Системоопределяющие специализированные нормы современного российского права / А.В. Баранов // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2017. – № 4. – С. 13–19.
54. Червонюк В.И. Право в системе нормативного регулирования // Общая теория права и государства : учебник / под ред. В.В. Лазарева. – М. : Норма, 2010. – С. 124–158.
55. Нормы советского права. Проблемы теории : монография / В.К. Бабаев, М.И. Байтин, В.М. Баранов и др. ; под ред. М.И. Байтина, В.К. Бабаева. – Саратов : Саратовский ун-т, 1987. – 248 с.
56. Малеин Н.С. Правовые принципы, нормы и судебная практика / Н.С. Малеин // Государство и право. – 1996. – № 6. – С. 12–19.
57. Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса / Т.Н. Добровольская. – М. : Юрид. лит-ра, 1971. – 200 с.
58. Зажицкий В.И. Правовые принципы в законодательстве Российской Федерации / В.И. Зажицкий // Государство и право. – 1996. – № 11. – С. 92–98.
59. Лившиц Р.З. Теория права : учебник / Р.З. Лившиц. – М. : БЭК, 1994. – 224 с.
60. Кожевников В.В. О дефинитивных нормах российского права / В.В. Кожевников // Современное право. – 2013. – № 6. – С. 12–18.
61. Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве : монография / Н.А. Власенко. – Иркутск : Иркутский ун-т, 1984. – 90 с.
62. Бабаев В.К. Структура юридической нормы // Нормы советского права. Проблемы теории : монография / В.К. Бабаев, М.И. Байтин, В.М. Баранов и др. ; под ред. М.И. Байтина, В.К. Бабаева. – Саратов : Саратовский ун-т, 1987. – С. 96–116.
63. Власенко Н.А. Теория государства и права : учебное пособие / Н.А. Власенко. – М. : Проспект, 2016. – 416 с.
64. Иванников И.А. Общая теория государства и права : учебное пособие / И.А. Иванников. – М. : Издательство «Дашков и Ко», 2008. – 368 с.
65. Радько Т.Н. Нормы права // Теория государства и права : учебник / под общей ред. О.В. Мартышина. – М. : Норма, 2007. – С. 267–278.
66. Давыдова М.Л. Коллизионные нормативно-правовые предписания: понятие и типологические характеристики / М.Л. Давыдова // Юридическая техника : ежегодник. – Н. Новгород, 2017. – № 11 «Коллизии законодательных, интерпретационных, правоприменительных актов: доктрина, практика, техника преодоления». – С. 135–145.

REFERENCES

1. Baytin M.I. The essence of law (modern normative legal thinking on the verge of two centuries). Saratov, SGAP Publ., 2001. 416 p. (In Russ).
2. Protasov V.N., Protasova N.V. Lectures on general theory of law and theory of the state. Moscow, Gorodets Publ., 2010. 752 p. (In Russ).
3. Goyman-Kalinsky I.V., Ivanets G.I., Chervonyuk V.I. Elementary principles of the general theory of law. Moscow, Pravo i zakon Publ., KolosS Publ., 2003. 544 p. (In Russ).

4. Filimonov V.D. The norm of law and its functions. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2007, no. 9, pp. 5-12. (In Russ).
5. Romashov R.A. Theory of state and law: a short course. St. Petersburg, Piter Publ., 2010. 304 p. (In Russ).
6. Radko T.N., Lazarev V.V., Morozova L.A. Theory of state and law. Moscow, Prospect Publ., 2012. 568 p. (In Russ).
7. Berg O.V. Some questions of the theory of legal norms. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2003, no. 4, pp. 19-25. (In Russ).
8. Marchenko M.N. Theory of state and law: a course of lectures. Moscow, Zertsalo Publ., 1996. 466 p. (In Russ).
9. Kerimov D.A., Shumkov D.V. Fundamentals of the doctrine of law and state: textbook. Moscow, OLMA Media Group Publ., 2008. 320 p. (In Russ).
10. Leist O.E. Norms of law, in: Marchenko M.N. (ed.). Problems of the theory of state and law: textbook. Moscow, Jurist Publ., 2002. Pp.589-625. (In Russ).
11. Puginsky B.I. About the rule of law. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 11. Pravo = Moscow University Law Bulletin*, 1999, no. 5, pp. 23-33. (In Russ).
12. Malko A.V. Norms of law, in: Matuzov N.I., Malko A.V. Theory of state and law: textbook. Moscow, Delo Publ., 2009. Pp. 268-282. (In Russ).
13. Abdulaev M.I. Theory of state and law: textbook. Moscow, Ekonomika Publ., 2006. 623 p. (In Russ).
14. Lyubashits V.Ya., Mordovtsev A.Yu., Mamychev A.Yu. Theory of state and law: textbook. Rostov-on-Don, Phoenix Publ., 2019. 700 p. (In Russ).
15. Marchenko M.N. (ed.). Theory of state and law: a course of lectures. Moscow, Zertsalo Publ., 1997. 467 p. (In Russ).
16. Kudryavtsev Yu.V. Norms of law as social information. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1981. 144 p. (In Russ).
17. Pyanov N.A. Consulting on the theory of state and law: textbook. Irkutsk, Irkutsk state university Publ., 2010. 583 p. (In Russ).
18. Alekseev S.S. General theory of law: textbook. Moscow, Prospect Publ., 2008. 576 p. (In Russ).
19. Chernobel G.T. The structure of the rule of law and the mechanism of their action (logical aspects). *Pravovedenie*, 1983, no. 6, pp 40-47. (In Russ).
20. Chistyakov N.M. Theory of state and law: textbook. Moscow, KNORUS Publ., 2010. 288 p. (In Russ).
21. Mitskevich A.V. Acts of the supreme bodies of the Soviet state. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1967. 175 p. (In Russ).
22. Komarov S.A. General theory of state and law: a course of lectures. Moscow, Yurayt Publ., 1998. 416 p. (In Russ).
23. Manov G.N. (ed.). Theory of state and law: textbook. Moscow, BEK Publ., 1995. 336 p. (In Russ).
24. Marchenko M.N. (ed.). Problems of the theory of state and law: textbook. Moscow, Jurist Publ., 1999. 656p. (In Russ).
25. Nersesyants V.S. (ed.). Problems of the general theory of law and state: textbook. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 1999. 816 p. (In Russ).
26. Vengerov A.B. Theory of state and law: textbook. Moscow, Omega-L Publ., 2007. 608 p. (In Russ).
27. Rassolov M.M. Problems of the theory of state and law: textbook. Moscow, UNITY-DANA, Zakon i Pravo, 2007. 431 p. (In Russ).
28. Gorshenev V.M. Atypical normative prescriptions in law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = State and law*, 1978, no.3, ppp. 113-118. (In Russ).
29. Marchenko M.N. Problems of the theory of state and law: textbook. Moscow, Prospect Publ., 2007. 757 p. (In Russ).
30. Marchenko M.N. Problems of the general theory of state and law: textbook. Vol. 2. Law. Moscow, Prospect Publ., 2008. 656 p. (In Russ).
31. Marchenko M.N. Norms of law, in: Marchenko M.N. (ed.). Theory of state and law: textbook. Moscow, Zertsalo Publ., 2009. Pp. 719-741. (In Russ).

32. Kozhevnikov V.V., Martynenko M.V. Specialized norms of modern Russian law: legal nature, classification and place in the system of legal norms. *Sovremennoe pravo*, 2014, no. 4, pp. 8-13. (In Russ).
33. Alekseev S.S. Problems of the theory of law. Vol. 1. Sverdlovsk, Sverdlovsk law institute Publ., 1972. 396 p. (In Russ).
34. Lyubashits V.Ya., Mordovtsev A.Yu., Mamychev A.Yu. Theory of state and law: textbook. Rostov-on-Don, Phoenix Publ., 2010. 700 p. (In Russ).
35. Boshno S.V. Theory of state and law: textbook. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 400 p. (In Russ).
36. Babaev V.K., Baytin M.I. Classification of Soviet legal norms, in: Babaev V.K., Baytin M.I. (eds.). Norms of Soviet law. Problems of the theory. Saratov, Saratov University Publ., 1987. Pp. 156-176. (In Russ).
37. Fatkullin F.N. Problems of the general theory of the socialist legal superstructure. Vol. 1. Kazan, Kazan State University Publ., 1980. 247 p. (In Russ).
38. Kudryavtsev Yu.V. The norm of law as social information. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1983. 144 p. (In Russ).
39. Moskalenko I. V. Legal nature and correlation of civil - legal definitions and norms. *Sovremennoe pravo*, 2005, no.5, pp. 56-60. (In Russ).
40. Kostrova M.B. Definition of concepts and terms used in the Criminal Code of the Russian Federation. *Zhurnal Rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2003, no. 12, pp. 80-88. (In Russ).
41. Nersesyants V.S. General theory of law and state: textbook. Moscow, Norma Publ., 1999. 552 p. (In Russ).
42. Ushakov A.A. Essays on the Soviet legislative stylistics. Content and form in law and the problem of legislative stylistics. Part 1. Perm, Perm State University Publ., 1967. 206 p. (In Russ).
43. Mamedov E.V. Legal definitions and legal norms as elements of the mechanism of legal regulation. *Evrasiiskii iuridicheskii zhurnal = Eurasian law journal*, 2012, no. 8, pp. 62-65. (In Russ).
44. Borodyansky V.I. Epistemological aspect of the study of the mechanism of interaction between the principles and norms of civil law. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2002, no.5, pp. 108-110. (In Russ).
45. Davydova M.L. Norm of law and normative legal prescription: general and distinctive features. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5*, 2000, no.3, pp. 62-67. (In Russ).
46. Davydova M.L. Regulatory prescription: nature, typology, legal design. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr "Press" Publ., 2009. 214 p. (In Russ).
47. Baytin M.I. Norms of law, in: Matuzov N.I., Malko A.V. (eds.). Theory of state and law: a course of lectures. Moscow, Jurist Publ., 2007. Pp. 357-373. (In Russ).
48. Vinogradov V.V., Lebedeva N.N. Norms of law in the light of modern regulations, in: Shagieva R.V. (ed.). Actual problems of the theory of state and law: textbook. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2011. Pp. 368-389. (In Russ).
49. Maltsev G.V. Social foundations of law. Moscow, Norma Publ., 2007. 800p. (In Russ).
50. Vlasov V.I., Vlasova G.B. Theory of state and law: a tutorial. Rostov-on-Don, Phoenix Publ., 2011. 331 p. (In Russ).
51. Kuznetsova O. A. Specialized norms of civil law: theoretical problems. Doct. Diss. Thesis. Yekaterinburg, Ural State Law Academy Publ., 2007. 43 p. (In Russ).
52. Chervonyuk V.I. Theory of state and law: textbook. Moscow, INFRA-M Publ., 2006. 704 p. (In Russ).
53. Baranov A.V. System-defining specialized norms of modern Russian law. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2017, no. 4, pp.13-19. (In Russ).
54. Chervonyuk V.I. Law in the regulatory system, in: Lazarev V.V. General theory of law and state: textbook. Moscow, Norma Publ., 2010. Pp. 124-158. (In Russ).
55. Baytin M.I., Babaev V.K. (eds.). Norms of Soviet law. Problems of the theory. Saratov, Saratov University Publ., 1987. 248 p. (In Russ).
56. Malein N.S. Legal principles, norms and jurisprudence. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 1996, no 6, pp.12-19. (In Russ).
57. Dobrovolskaya T.N. Principles of the Soviet criminal process. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1971. 200 p. (In Russ).

58. Zazhitsky V. I. Legal Principles in the Legislation of the Russian Federation. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 1996, no. 11, pp. 92-98. (In Russ).
59. Livshits R.Z. Theory of law: textbook. Moscow, BEK Publ., 1994. 224 p. (In Russ).
60. Kozhevnikov V. V. On the definitive norms of Russian law. *Sovremennoe pravo*, 2013, no. 6, pp.12-18. (In Russ).
61. Vlasenko N.A. Conflict norms in Soviet law. Irkutsk, Irkutsk University Publ., 1984. 90 p. (In Russ).
62. Babaev V.K. The structure of the legal norm, in: Baytin M.I., Babaev V.K. (eds.). Norms of Soviet law. Problems of the theory. Saratov, Saratov University Publ., 1987. Pp. 96-116. (In Russ).
63. Vlasenko N.A. Theory of state and law: textbook. Moscow, Prospect, 2016. 416 p. (In Russ).
64. Ivannikov I.A. General theory of state and law: textbook. Moscow, Dashkov and Co. Publ., 2008. 368 p. (In Russ).
65. Radko T.N. Norms of law, in: Martyshin O.V. (ed.). Theory of state and law: textbook. Moscow, Norma Publ., 2007. Pp. 267-278. (In Russ).
66. Davydova M.L. Conflicting legal regulations: concept and typological characteristics, in: Naranov V.M. (ed.). Legal technology: yearbook. No. 11 "Collisions of legislative, interpretive, law enforcement acts: doctrine, practice, overcoming techniques". Nizhny Novgorod, Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii Publ., 2017. Pp. 135-145. (In Russ).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кожевников Владимир Валентинович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
ORCID: 0000-0003-1323-4167
SPIN-код РИНЦ: 7487-3953; AuthorID: 678229

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Vladimir V. Kozhevnikov – Doctor of Law, Professor; Professor, Department of Theory and History of State and Law
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr. Omsk, 644077, Russia
ORCID: 0000-0003-1323-4167
RSCI SPIN-code: 7487-3953; AuthorID: 678229

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Кожевников В.В. О структуре норм права: логических, норм-предписаний, специализированных / В.В. Кожевников // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 2. – С. 45–61. – DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(2).45-61.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kozhevnikov V.V. The structure of logical, prescriptive and specialized legal norms. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2021, vol. 5, no. 2, pp. 45–61. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(2).45-61. (In Russ.).